

Научная статья

УДК 330.322.012

EDN [ADTBNZ](#)

DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(3).870-881

В.А. Рудяков

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,fmened@mail.ru

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ О СТРУКТУРЕ ФУНКЦИИ ЧАСТНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ В РОССИИ

АННОТАЦИЯ. В статье поднимается актуальная тема расхождений между сберегательной базой и реальными инвестициями в национальной экономике. В большинстве теоретических моделей современного неоклассического подхода подобного рода неравновесные процессы носят исключительно временный, краткосрочный характер. Однако, как показывает автор на примере двадцати ведущих экономик мира, такое несоответствие в рамках процесса капиталообразования является скорее правилом длительного периода, чем исключением. Представлены основные результаты анализа сберегательных процессов, происходящих в российской экономике в период 2000-2020 годов на основе обширных массивов данных национальной статистики и Банка России. В целях проводимых исследований вводятся аналитические категории — тезаврируемые сбережения, склонность к тезаврируемым сбережениям и склонность к тезаврации. Именно эти категории положены в основу рассматриваемой автором гипотезы о структуре частных национальных сбережений. Используя посткейнсианскую методологию и в результате эмпирического анализа, автор находит подтверждение всем частям выдвинутой гипотезы — валовые частные сбережения имеют устойчивую зависимость от извлекаемого дохода; часть сбережений тезаврируется из соображения «предпочтения ликвидности», а доля таких сбережений функционально зависит от колебаний уровня неопределенности в экономике (а не от ее абсолютной величины); у российских субъектов при распределении сберегательной базы мотив предосторожности преобладает над мотивом дохода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Сбережения, тезаврация, неопределенность, мотив предосторожности, система национальных счетов, кейнсианство.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 13 июня 2023 г.; дата принятия к печати 05 июля 2023 г.; дата онлайн-размещения 31 августа 2023 г.

Original article

V.A. Rudyakov

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, fmened@mail.ru

EMPIRICAL TESTING OF THE HYPOTHESIS ON THE STRUCTURE OF THE FUNCTION OF PRIVATE SAVINGS IN RUSSIA

ABSTRACT. The article deals with a topical issue of the discrepancies between savings and real investments in national economy. In the majority of theoretical models of contemporary neoclassical approach such nonequilibrium phenomena are of a purely temporary nature and a short term. However, the author having studied the data of twenty leading economies of the world shows that this discrepancy within the frameworks of capital formation is a rule for a long term but not an exception. The article presents the key findings of saving processes analysis in the Russian economy from 2000 to 2020 years based on the data of national statistics and the Bank of Russia. For research purposes the author introduces analytical categories — savings hoards, propensity to savings hoards and propensity to hoard. These very categories

© Рудяков В.А., 2023

are put in the basis of the hypothesis on private national savings structure. Using post-Keynesian methodology and as a result of empirical analysis the author proves all the parts of the proposed hypothesis — gross private savings have sustained dependence from derived income; a part of savings is hoarded from consideration of “liquidity preference” and the share of such savings functionally depends on fluctuations in economic uncertainty (but not from economy’s absolute value); for Russian Federal subjects precautionary motive prevails over profit motive when allocating the savings base.

KEYWORDS. Savings, hoarding, uncertainty, precautionary motive, system of national accounts, Keynesianism.

ARTICLE INFO. Received June 13, 2023; accepted July 05, 2023; available online August 31, 2023.

Подавляющее большинство макроэкономических подходов и моделей, базирующихся на неоклассическом подходе исходит из предпосылки равновесного тождества инвестиций и сбережений. Логика этого подхода берет свое начало из классической теории, где изначально был закреплён двухсторонний вне денежный характер акта сбережения в рамках изолированного экономического кругооборота.

Действительно, в абстрактной макроэкономике с формализованной точки зрения невозможна ситуация, когда осуществляются «сбережения без инвестиций или инвестиции без «подлинных» сбережений» [1, с. 203]. При этом сам двухсторонний характер акта сбережения-инвестиции, определяет уровень дохода как сумму потребления и инвестиций (сбережений), а рост инвестиций всегда дополняется ростом сбережений на соответствующую сумму [там же, с. 184].

В современном экономическом анализе исследователи довольно часто обращают внимание на разделение инвестиций на государственные и частные [2–4] или, что не менее редко — на различные формы инвестиционной активности и объектов вложений [5–7]. Гораздо меньше исследований, посвященных сберегательной функции частных субъектов. Все эти работы, как правило, также акцентируют наше внимание на разделение сбережений либо на государственные/частные, либо по форме сбережений [8]. И за редким исключением практически не встречается исследований, акцентирующих наше внимание на устойчивой неравновесности между инвестициями и сбережениями, исходя из мотивов последних [9].

Во-многом все это происходит по причине тех изначальных предпосылок, которые заложены в базовые экономические модели. В реальной национальной экономике, которая по определению является *открытой, денежной, с возможностью колебания уровня неопределенности в коротком периоде*, проистекает целый ряд процессов, делающих рассматриваемое тождество инвестиции-сбережения скорее исключением, чем закономерностью. Для подтверждения этого тезиса предлагаем рассмотреть сводные показатели капиталообразования, рассчитанные по разным группам индикаторов Всемирного Банка в 20 ведущих мировых экономиках, за промежуток времени, на наш взгляд, достаточно продолжительный, чтобы нивелировать случайные отклонения, характерные для коротких периодов.

Как видно из приведенных данных, совпадение инвестиций и сбережений характерно только для крупных агрегированных групп макроэкономик, в рамках которых обе величины стремятся к уравниванию в длительном периоде. Что касается процессов капиталообразования в национальных экономиках, то равенство инвестиций¹ и сбережений является скорее исключением, чем правилом.

¹ Традиционно в рамках национальных и международной статистики под инвестициями учитываются вложения в прирост основного капитала, оборотных активов и запасов, а также «чистое приобретение ценностей».

Таблица 1

Формирование в ведущих экономиках мира процессов капиталообразования за 2000–2020 гг. накопленным итогом, млрд.дол.*

Страна	Сумма ВВП	Валовые внутренние сбережения	Валовые внутренние накопления	Соотношение инвестиций и сбережений
Великобритания	53 750	7 571	9 390	1,240
Австралия	21 723	4 893	5 661	1,157
Бразилия	32 831	5 328	6 156	1,155
Турция	13 849	3 360	3 858	1,148
США	326 662	60 141	68 851	1,145
Испания	25 714	5 361	5 951	1,110
Канада	29 793	6 339	6 905	1,089
Индонезия	13 543	4 042	4 331	1,072
Индия	32 778	10 698	11 112	1,039
Франция	50 546	11 325	11 552	1,020
Мексика	21 684	4 870	4 862	0,998
Италия	40 103	7 874	7 841	0,996
КНР	145 606	67 152	63 644	0,948
Южная Корея	24 540	8 548	7 751	0,907
Япония	105 302	29 532	26 550	0,899
Россия	27 055	7 346	6 172	0,840
Нидерланды	16 131	4 280	3 357	0,784
Германия	68 282	18 286	14 214	0,777
Швейцария	11 811	4 176	3 145	0,753
Саудовская Аравия	10 858	4 167	2 962	0,711
Итого	1 072 563	275 290	274 268	0,996

* Рассчитана автором по данным: The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>.

Примечание: По расчетам автора, доля этих стран составила за рассматриваемый период более 80 % в мировом ВВП.

Как нам кажется, основная причина такого положения дел — *относительные колебания процентного дохода и неопределенности* в различных национальных экономиках.

Относительно Российской Федерации мы видим, что она в указанном периоде находилась на 11 месте, с долей 2 % от мирового ВВП; на 10 месте по валовым внутренним сбережениям (2 % от мировых); на 11 месте по валовым внутренним накоплениям (1,8 % от мировых). Таким образом достаточно ярко проявляется вопрос дефицита реальных инвестиций при наличии весьма значительных сбережений, генерируемых внутри страны, что обостряет проблему механизма обеспечения масштабного промышленного роста, отмечаемую многими современными экспертами [10].

В одной из более ранних работ, используя синтез посткейнсианской и институциональной методологий, нами была рассмотрена ситуация неравновесности капиталообразования в современных экономиках. В ходе анализа мы пришли к гипотезе, что «общие сбережения частного сектора находятся в прямой зависимости от полученного дохода, однако частные субъекты, действующие в денежной экономике, направляют свои сбережения на инвестиции не в полном объеме и зачастую по «остаточному принципу». Определенная часть сбережений тезаврируется из соображения «предпочтения ликвидности», и доля таких сбережений функционально зависит от колебаний уровня неопределенности в экономике» [11,

с. 48], а сами сбережения являются функцией трех переменных — дохода, неопределенности и процента.

Подтверждению этой гипотезы на основе больших массивов данных национальной статистики и посвящена эта статья. Ввиду постоянного уточнения данных национальной статистикой, мы вынуждены брать соответствующие показатели текущего отчета из публикаций на год позже. Анализируемый период составляет 21 год — с 2000 по 2020 гг.²

Для проводимых исследований, считаем необходимым ввести дополнительные аналитические категории.

Тезаврируемые сбережения, S_T — часть полученного дохода, не потраченного на потребление, сознательно выводимая субъектами из инвестиционного процесса в целях «предпочтения ликвидности» в условиях неопределенности. Эти сбережения осуществляются либо в форме наличных денег, либо в форме «суррогатных сбережений», определяемых современными авторами как «активы, которые хорошо выполняют функцию средства сохранения ценности, но не являются средством обращения и обладают нулевой (или крайне незначительной) эластичностью производства» [12, с. 35].

Склонность к тезаврируемым сбережениям, $PS_T(Y)$ — доля тезаврируемых сбережений в валовом располагаемом доходе. В сумме со *склонностью к инвестиционным сбережениям*, $PS_I(Y)$ ³ и со *склонностью к потреблению* дает 1.

Склонность к тезаврации, $PS_T(S)$ — доля тезаврируемых сбережений в валовых внутренних сбережениях.

Для анализа капиталлооброзования также считаем возможным произвести балансировку инвестиций и сбережений, путем использования системы из двух функций:

$$S = S_{\text{общ}}(Y_{\text{факт}}) = S_T(\delta) + S_I(i), \quad (1)$$

где $S_{\text{общ}}(Y_{\text{факт}})$ — общий уровень сбережений, как функция от величины фактически полученного дохода; $S_T(\delta)$ — тезаврируемые сбережения, как функция от уровня неопределенности. Эта функция неэластична по проценту; $S_I(i)$ — инвестиционные сбережения, как функция от дохода в форме процента. Эта величина является ресурсом для будущих инвестиций, либо вложений в финансовые активы.

$$I = I_K(r) + I_F(i) + L_{\text{пред}}(\delta) + I_T(\delta), \quad (2)$$

где $I_K(r)$ — инвестиции в капитал, как функция от внутренней нормы доходности активов; $I_F(i)$ — вложения в финансовые инструменты по мотиву дохода; $L_{\text{пред}}(\delta)$ — спрос на деньги из мотива предосторожности, как инвестиции в «ликвидность»; $I_T(\delta)$ — часть ресурсов, направляемая на удовлетворение спроса на сбережения, тезаврируемые в форме суррогатных активов.

На первом этапе рассмотрим зависимость валовых внутренних сбережений от валового располагаемого дохода по данным Национальных счетов России за соответствующие годы⁴. Так как исследуется состояние частного сектора, из соответствующих величин были убраны показатели институционального сектора «Государственное управление» (рис. 1).

² К сожалению, если нам нужен углубленный анализ, приходится мириться с запаздыванием первичной статистики на 1,5–2 года, а уточненных данных — на 2,5–3 года.

³ Доля инвестиционных сбережений в валовом располагаемом доходе.

⁴ Национальные счета России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221>.

Рис. 1. Формирование частной сберегательной базы в России в текущих ценах, млрд р.

Как мы видим, валовые частные сбережения имеют довольно ясную зависимость от получаемого дохода. При этом расчетная склонность частных экономических субъектов России к валовым сбережениям устойчиво находится в среднем диапазоне 25–30 % от валового располагаемого дохода (рис. 2).

Более сложную задачу представляет верификация частных сберегательных процессов по мотивам дохода или предосторожности. Вообще разделение, в рамках системы национальных счетов, сбережений на тесаврируемые и инвестиционные носит весьма условную форму. Так как принятие решений в какой форме хранить те или иные сбережения люди осуществляют зачастую на основании

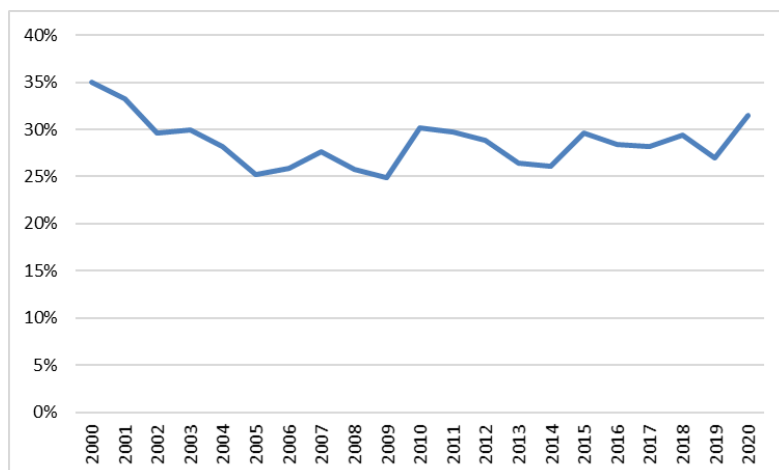

Рис. 2. Текущая склонность к сбережениям частного сектора России

каких-либо субъективных представлений. Например, хранение денег на краткосрочных депозитах — для одних просто форма сохранения текущих сбережений, а для других — способ извлечения относительно невысокого дохода.

Для выявления влияния мотива дохода на форму частных сбережений мы соотнесем два показателя.

Во-первых, анализу подвергнутся так называемые несвязанные сбережения, отраженные в графе «чистое кредитование» по счету СНС «Операции с капиталом» за минусом институционального сектора «Государственное управление»⁵. По большому счету — это суммы, которые идут на капиталообразование в иные макросистемы в виду более высокой нормы процентного дохода (с учетом рисков).

Во-вторых, влияние процентной ставки будет нами взято из оценок частных субъектов насколько эта ставка запретительно высока для осуществления инвестиций. Данные взяты из официальной статистики⁶ по разделу «Распределение организаций по оценке факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность».

Логика взаимосвязи здесь весьма проста — чем больше предпринимателей субъективно считают, что процентная ставка на территории России запретительно высока, тем больше сбережения, направляемых на капиталообразование зарубежных стран (рис. 3).

Рис. 3. Формирование «несвязанных сбережений» частным сектором в России

Как мы видим, оба показателя имеют весьма ярко выраженную связь, косвенно доказывающую наличие устойчивой склонности к использованию сбережений для обеспечения инвестиций. Факт на первый взгляд очевидный в виду существования самого «мотива дохода». Однако, не стоит забывать, что существует также и «мотив предосторожности», формирующий склонность к тесаврации.

Такой фактор как негативная неопределенность оказывает комплексное влияние практически на все агрегаты макроэкономической системы:

⁵ Национальные счета России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221>.

⁶ Российский статистический ежегодник за соответствующие года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.

Во-первых, значительно увеличится спрос на деньги по мотивам предосторожности, что сокращает наличие доступной ликвидности в экономике.

Во-вторых, неопределенность отрицательно влияет на ожидания игроков спекулятивного рынка, что также сокращает количество доступных денег.

В-третьих, если каким-то образом будет заблокировано повышение процентных ставок, банковская система отреагирует снижением денежного мультипликатора, что опять же приведет к сокращению фактической денежной массы.

В-четвертых, скачок неопределенности снизит как предельную эффективность капитала, так и ожидания инвесторов относительно будущих прибылей, что существенно понизит мотивы к инвестиционным сбережениям.

В-пятых, резкое приращение неопределенности формирует и негативные ожидания по поводу будущего у простых людей, рост склонности к сбережениям, «парадокс бережливости» и т.д.

Одна из основных сложностей эмпирического подтверждения влияния фактора неопределенности на сберегательную функцию заключается в интерпретации показателей национальных счетов. Для этих целей мы предлагаем изменить аналитическую структуру модели формирования сберегательной функции (табл. 2).

Таблица 2

Пример аналитической структуры формирования частных валовых и частных тезаврируемых сбережений в России (в текущих ценах), млрд р.

Показатели	2000	2001	2002
Валовое сбережение	2 642	2 909	3 117
Внешние тезаврируемые сбережения частного сектора	241	110	304
Государственные сбережения	820	708	777
Частные валовые национальные сбережения	2 062	2 310	2 644
Накопление «ликвидности» населением	365	405	491
Внутреннее суррогатное накопление частным сектором	22	18	15
Внешние чистые депозиты	92	-77	-80
Внешнее скрытое суррогатное накопление частным сектором	149	186	384
Частное национальное накопление по мотиву предосторожности	629	533	810
Валовый располагаемый доход	7 118	8 796	10 601
Валовый располагаемый доход госсектора	1 923	2 179	2 689
Валовый располагаемый доход частного сектора	5 195	6 618	7 913
Неопределенность экономической ситуации в стране (экспертная оценка)	49 %	35 %	29 %

Рассчитана автором по данным: Национальные счета России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221>; Российский статистический ежегодник [за соответствующие года.] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>; Годовой отчет Банка России [за соответствующие года] URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/god/#highlight=%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82.

Валовые национальные сбережения при нашем подходе включают в себя 2 основных элемента — непосредственно валовые внутренние сбережения и внешние тезаврируемые по мотиву предосторожности сбережения.

Накопление «ликвидности» населением мы рассматриваем в форме прироста наличных денег у населения в рублях и иностранной валюте по данным «Баланса денежных доходов и расходов населения Российской Федерации»⁷.

⁷ Годовой отчет Банка России [за соответствующие года]. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/god/#highlight=%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82.

К внутреннему суррогатному накоплению мы относим показатель «чистое приобретение ценностей» (строка Р.53 консолидированных счетов). Стоит особо отметить, что в рамках статистического учета капиталообразования эти данные идут по графе накопления основного капитала, что *противоречит самой экономической логике этого капитала*. Однако предметы, учитываемые этим показателем⁸, очевидно полностью подпадают под отмеченное нами ранее определение тезаврируемых суррогатных сбережений.

Во внешнее накопление по мотиву предосторожности мы включаем отдельные элементы из «Платежного баланса Российской Федерации»⁹.

Во-первых, это внешние чистые депозиты, характеризующие, на наш взгляд, вывод банками финансовых средств из национальной экономики по мотиву предосторожности.

Во-вторых, внешнее скрытое суррогатное накопление, данные для которого мы берем из строки платежного баланса «Сомнительные операции». Центральный Банк к ним относит все фиктивные операции, имеющие признаки трансграничного перемещения капитала.

Также в представленной форме присутствует необходимый для последующего исследования показатель уровня неопределенности в национальной экономике, взятый нами из раздела «Распределение организаций по оценке факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность»¹⁰.

Некоторые из результатов предельного анализа, проведенного на основе рассмотренной методики за 2000–2020 гг. представлены нами на рис. 4, 5 и 6.

Рис. 4. Динамика тезаврационных процессов в России

Как видно из представленных графиков, динамика всех трех показателей очень четко коррелируется практически за весь период. Практически полное со-

⁸ Предметы, обладающие способностью сохранять стоимость в течение длительного периода (драгоценные металлы и камни, ювелирные изделия, антиквариат и т.п.).

⁹ Годовой отчет Банка России [за соответствующие года] URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/god/#highlight=%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82.

¹⁰ Российский статистический ежегодник [за соответствующие года]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.

Рис. 5. Предельный анализ склонности к тезаврации в России

Рис. 6. Предельный анализ склонности к тезаврируемым сбережениям в России

впадение темпов роста тезаврации и тезаврируемых сбережений иллюстрирует корректность выборки, проведенной для табл. 2. Также мы считаем, что столь ярко выраженная корреляция обоих показателей с неопределенностью полностью подтверждает нашу гипотезу.

Подводя итоги нашего исследования можно отметить следующее:

Во-первых, предлагаемая к рассмотрению гипотеза, носящая посткейнсианский характер, на наш взгляд, *прошла эмпирическую проверку* во всех ее частях.

Во-вторых, наблюдается отчетливая зависимость в тезаврационных процессах не от самой неопределенности как таковой, а от колебания ее уровня в экономике.

В-третьих, как показали исследования формирования сберегательной базы и предельный анализ тезаврационных процессов, национальные экономические субъекты действительно вначале осуществляют действия, носящие тезаврационный характер, и только затем стремятся к извлечению дополнительного дохода. Это значит, что у российских частных экономических субъектов де-факто мотив предосторожности значительно доминирует над мотивом дохода.

В-четвертых, некое увеличение амплитуды тезаврационных процессов в периоды 2014 и 2017–2020 гг. связано, очевидно, с ужесточением санкционного давления [13; 14]. Эта ситуация разрушает ставшие традиционными для частных субъектов каналы тезаврации, вынуждая их искать новые пути и методы реализации доминирующего мотива сбережений, которые также подвергаются повышенному риску перекрытия.

В-пятых, надежда многих исследователей, что повышение степени изоляции российской экономики гарантированно ведет к взрывному росту частного национально-ориентированного капиталообразования *представляется нам весьма зыбкой*. На наш взгляд, учитывая результаты проведенного исследования, дальнейшее развитие ситуации будет объективно подталкивать российскую экономику и общество к все большему усилению государственного участия в экономических отношениях.

Список использованной литературы

1. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж.М. Кейнс // Антология экономической классики. — Москва, 1993. — Т. 2. — С. 137–434.
2. Шныренков Е.А. Роль государственных и частных инвестиций в повышении производительности труда российских предприятий / Е.А. Шныренков, А.И. Магина. — DOI 10.34925/EIP.2020.117.4.191. — EDN [XVCLQI](#) // Экономика и предпринимательство. — 2020. — № 4 (117). — С. 893–896.
3. Кампицкая В.В. Государственно-частное партнерство как инструмент привлечения инвестиций / В.В. Кампицкая. — EDN [UYWYRC](#) // Ростовский научный журнал. — 2019. — № 5. — С. 52–58.
4. Анализ инвестиционной активности Китая в странах БРИКС / В.А. Горбушин, С.С. Вологдин, Е.А. Боронина, Н.А. Кривошеков. — DOI 10.34925/EIP.2022.149.12.044. — EDN SOFOMB // Экономика и предпринимательство. — 2022. — № 12 (149). — С. 230–233.
5. Ковалева Е.А. Зарубежная и российская практика реализации инвестиционных проектов / Е.А. Ковалева, А.А. Титова. — DOI 10.18413/2409-1634-2023-9-1-0-2. — EDN [PTOSEN](#) // Научный результат. Экономические исследования. — 2023. — Т. 9, № 1. — С. 15–30.
6. Комшилова Я. Европейский рынок прямых инвестиций (private equity) / Я. Комшилова. — EDN [USRJAO](#) // Международный аспект. — 2022. — Т. 3, № 1–2. — С. 76–105.
7. Алиев О.М. Анализ частных инвестиций 2019 года / О.М. Алиев. — DOI 10.34755/IROK.2020.25.87.058. — EDN [KCVRZR](#) // Актуальные вопросы современной экономики. — 2020. — № 1. — С. 402–406.
8. Мельников Р.М. Факторы выбора финансовых стратегий российских домохозяйств / Р.М. Мельников. — DOI 10.24891/fa.15.4.376. — EDN [TSGTTI](#) // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2022. — Т. 15, № 4. — С. 376–397.
9. Чурбанов С.Г. Эмпирический анализ гипотезы перманентного дохода на данных постсоветской России / С.Г. Чурбанов, И.В. Розмаинский. — DOI 10.31737/2221-2264-2022-54-2-4. — EDN [VDXXFZ](#) // Журнал новой экономической ассоциации. — 2022. — № 2 (54). — С. 76–93.
10. Самаруха А.В. Предпосылки к революционной индустриально-технологической трансформации экономики России и регионов / А.В. Самаруха. — DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(2).18. — EDN [DFZFBN](#) // Baikal Research Journal. — 2022. — Т. 13, № 2. — С. 18.
11. Рудяков В.А. Анализ и оценка эффективности адаптаций к неопределенности в российской экономике / В.А. Рудяков. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. — 127 с.

12. Розмаинский И.В. Роль мотива предосторожности в теории Кейнса и концепция суррогатных средств накопления / И.В. Розмаинский. — EDN [PZJEVZ](#) // Terra Economicus. — 2013. — Т. 11, № 1. — С. 29–37.

13. Бубнов В.А. Влияние санкционной политики недружественных стран на российскую финансовую систему / В.А. Бубнов. — DOI 10.17150/2500-2759.2022.32(2).283-289. — EDN [WGYFOY](#) // Известия Байкальского государственного университета. — 2022. — Т. 32, № 2. — С. 283–289.

14. Самаруха В.И. Финансово-экономическая политика России при переходе к многополярному миру / В.И. Самаруха. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(2).383-396. — EDN [TDMINR](#) // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 2. — С. 383–396.

References

1. Keynes J.M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Macmillan Cambridge University Press, 1936. 403 p. (Russ. ed.: Keynes J.M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. In *Anthology of Economic Classics*. Moscow, 1993. Vol. 2, pp. 137–134).

2. Shnyrenkov E.A., Magina A.I. The Role of Public and Private Investment in Increasing the Productivity of Russian Enterprises. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2020, no. 4, pp. 893–896. (In Russian). EDN: [XVCLQI](#). DOI: 10.34925/EIP.2020.117.4.191.

3. Kampitskaya V.V. Public-Private Partnership as a Tool to Attract Investment. *Rostovskii nauchnyi zhurnal = Rostov Scientific Journal*, 2019, no. 5, pp. 52–58. (In Russian). EDN: [UYWYRC](#).

4. Gorbushin V.A., Vologdin S.S., Baronina E.A., Krivoshchekov N.A. Analysis of China's Investment Activity in the BRICS Countries. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2022, no. 12, pp. 230–233. (In Russian). EDN: [COFOMB](#). DOI: 10.34925/EIP.2022.149.12.044.

5. Kovaleva E.I., Titova A.A. Foreign and Russian Practice in Investment Projects. *Nauchnyi rezul'tat. Ekonomicheskie issledovaniya = Research Result. Economic Research*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 15–30. (In Russian). EDN: [PTOSEN](#). DOI: 10.18413/2409-1634-2023-9-1-0-2

6. Komshilova Ya. European private equity market. *Mezhdunarodnyi aspekt = International Aspect*, 2022, vol. 3, no. 1–2, pp. 76–105. (In Russian). EDN: [USRJAO](#).

7. Aliev O.M. 2019 Private Investment Analysis. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki = Actual Issues of the Modern Economy*, 2020, no. 1, pp. 402–406. (In Russian). EDN: KCVZRZ. DOI: 10.34755/IROK.2020.25.87.058.

8. Melnikov R.M. Factors of Choosing the Financial Strategies of Russian Households. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*, 2022, vol. 15, no. 4, pp. 376–397. (In Russian). EDN: [TSGTTI](#). DOI: 10.24891/fa.15.4.376.

9. Churbanov S.G., Rozmainy I.V. Empirical Analysis of the Permanent Income Hypothesis Based on the Post-soviet Russia Data. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2022, no. 2, pp. 76–93. (In Russian). EDN: [VDXXFZ](#). DOI: 10.31737/2221-2264-2022-54-2-4.

10. Samarukha A.V. Prerequisites for the Revolutionary Industrial and Technological Transformation of the Economy of Russia. *Baikal Research Journal*, 2022, vol. 13, no. 2, pp. 18. (In Russian). EDN: [DFZFBN](#). DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(2).18.

11. Rudyakov V.A. *Analysis and Evaluation of the Effectiveness of Adaptations to Uncertainty in the Russian Economy*. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2015. 127 p.

12. Rozmainy I.V. The Role of Precautionary Motive in Keynes's Theory and Conception of Surrogate Stores of Value. *Terra Economicus*, 2013, vol. 11, no. 1, pp. 29–37. (In Russian). EDN: [PZJEVZ](#).

13. Bubnov V.A. The Impact of the Sanctions Policy of Unfriendly Countries on the Russian Financial System. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2022, vol. 32, no. 2, pp. 283–289. (In Russian). EDN: [WGYFOY](#). DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(2).283-289.

14. Samarukha V.I. Russia's Financial and Economic Policy in the Transition to a Multipolar World. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 2, pp. 383–396. (In Russian). EDN: [TDMINR](#). DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(2).383-396.

Информация об авторе

Рудяков Василий Анатольевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательской деятельности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, fmened@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2080-4845>, SPIN-код: 4650-1365, AuthorID РИНЦ: 512678.

Author

Vasilii A. Rudyakov — PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Enterprise Economics and Entrepreneurship, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, fmened@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2080-4845>, SPIN-Code: 4650-1365, Author-ID RSCI: 512678.

Для цитирования

Рудяков В.А. Эмпирическая проверка гипотезы о структуре функции частных сбережений в России / В.А. Рудяков. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(3).870-881. — EDN [ADTBNZ](#) // Baikal Research Journal. — 2023. — Т. 14, № 3. — С. 870–881.

For Citation

Rudyakov V.A. Empirical Testing of the Hypothesis on the Structure of the Function of Private Savings in Russia. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 3, pp. 870–881. (In Russian). EDN: [ADTBNZ](#). DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(3).870-881.